

Кокшаров С.Ф. (Екатеринбург)

О хронологии кульёганских поселений таежного Приобья

1. Морфологические и декоративные особенности керамики кульёганского типа были впервые отмечены Ю.П. Чемякиным, обобщившим материалы бронзового века Сургутского Приобья и указавшим на принадлежность комплексов к «ранней гребенчато-ямочной общности» бронзового века (1989, с.62, рис.1-12-17). С 1995 г. определение «кульёганский тип», введенное В.А. Борзуновым, закрепилось не только за керамической посудой, но и за поселениями, с которых она происходила. Сейчас в сводках фигурирует ~30-40 местонахождений керамики данного типа и поселений, среди которых особо выделяются укрепленные жилища (Чемякин Ю.П., 2008, с.42; Борзунов В.А. и др., 2010, с.187, ил.2). Они сосредоточены преимущественно в Сургутском Приобье и, отчасти, в Надым-Пуровском междуречье. Наиболее известны такие поселения как Барсова гора II/8в, II/22, II/19, Чернореченское I, Быстрый Кульёган 38, Малая Моховая I, Щетнматолор, Савкинская Речка I, Балинское I, Нёх-Урий 3.2, Нёх-Урий 5.1 и Нёх-Урий 5.2.

2. Археологи, изучавшие кульёганские древности, единодушно относят их к бронзовому веку, расходясь, правда, в определении абсолютного возраста и принадлежности к конкретным периодам данной эпохи. При датировке учитываются обычно облик керамической посуды, каменного инвентаря, остатков металлообработки и ^{14}C даты.

Исходя из особенностей формовки и декора, Ю.П. Чемякин синхронизировал кульёганскую посуду с ташковскими, кротовскими, степановскими, полымьятскими, одиновскими и тухэмторскими коллекциями, датируя северные материалы второй третью II тыс. до н.э. (Чемякин Ю.П., 1994, с.12). Позже они были отнесены к среднему бронзовому веку, а диапазон их бытования ограничен серединой – третьей четвертью II тыс. до н.э. (Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 1999, с.24). В обобщающей монографии исследователя вновь указано на наибольшее сходство кульёганской, поздней полымьятской и большелярской керамики, что объяснено одновременностью сравниваемых древностей (Чемякин Ю.П., 2008, с.45-46). Л.Л. Косинская видит параллели кульёганской керамике Чернореченского I поселения среди материалов Барсовой горы II/8в (Зыков А.П., 1987) (вторая треть II тыс. н.э.) и Большого Ларьяка III, IV (середина – третья четверть II тыс. до н.э.), помещая ее «между ранней и развитой гребенчато-ямочной керамикой (по Е.А. Васильеву)» или в период «средней» бронзы (Косинская Л.Л., 1998, с.100; Косинская Л.Л., 2000, с.18). В.И. Стефанов отмечает, что правомерность отнесения керамической посуды «к раннему этапу бронзового века доказывают аналогии в комплексах раннебронзовых культур таежной и лесостепной зон Западной Сибири – самусьской, кротовской, степановской, одиновской, ташковской. Очевидны кульёганско-полымьятские параллели» (2002, с.111).

Определяя хронологическую позицию северных памятников, следует учитывать архаичный облик кульёганской керамики в сравнении с гребенчато-ямочной посудой с другого памятника Сургутского Приобья – культового комплекса Сайгатино VI (Чемякин Ю.П., 1994, с.12; Чемякин Ю.П., 2008, с.46; Стефанов В.И., 2002, с.111). Последняя отнесена к варпаульскому типу, появляющемуся в таежном Обь-Иртыше в андроновское (сейминское) время и связанному хронологически с могильниками Сатыга XVI, Товкуртлор 3 и поселением Ленино I (Кокшаров С.Ф., 1991, с.98, рис.2-32-41; Кокшаров С.Ф., 2006, с.51, рис.3-21-45; Кокшаров С.Ф., 2011, с.180; Кокшаров С.Ф., 2015, с.26-27, рис.7-24-50).

Каменный инвентарь с кульёганских поселений включает целые и расколотые гальки, отщепы, отбойники, абразивный инструмент, единичные морфологически выраженные изделия (скребки, наконечники стрел, различные подвески, рубящие орудия). Они отражают полный цикл расщепления камня, демонстрируя принадлежность памятников к бронзовому веку, но не конкретизируют хронологической позиции последних в рамках эпохи. В результате археологи помещают кульёганские комплексы либо в досейминский хронологический горизонт (Сергеев А.С., Погодин А.А., 2008, с.191), либо в сейминский (Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 2011, с.69; Стефанов В.И., Данилова Е.Н., 2013, с.91).

На широкое распространение металлопроизводства указывают разнообразные тигли, матрицы, сопла и единичные обломки металлических изделий. По заключениям специалистов, кульёганские мастера владели технологиями литья в одно- и двухстворчатые формы (Чемякин Ю.П., 1994, с.12; Чемякин Ю.П., 2008, с.45, рис.29-2-3; Косинская Л.Л., 2000, с.18, рис.5-20; Мызников С.А., Косин-

ская Л.Л. и др., 2011, с.62–63, 68, рис.4-1–2; Стефанов В.И., Данилова Е.Н., 2013, с.96). К сожалению, неудовлетворительная сохранность матриц затрудняет восстановление сортамента производимой продукции (Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 1999, рис.8-7; Чемякин Ю.П., 2008, с.45, рис.29-2,3,7). Последнее обстоятельство актуализирует еще одну важную проблему: владело ли кульгганское население технологией тонкостенного литья с использованием сердечников. Вопрос имеет принципиальный характер, поскольку от его решения зависит установление возраста изучаемых древностей.

3. Особенности материалов кульгганских памятников дают основания для отнесения их к досейминскому периоду бронзового века. Наиболее полные соответствия кухонной керамике можно найти в поздних полымьятских поселениях р. Конды, синхронных, в свою очередь, синташтинским и петровским комплексам. В рамках традиционной хронологии речь может вестись о доандроновском периоде бронзового века или первой трети II тыс. до н.э. Этому выводу не противоречит и облик технологической керамики, имеющей выраженный досейминский облик. Однако, иная картина предстает при обращении к ^{14}C датам с кульгганских поселений и памятников, содержащих инвентарь СТ облика. Изотопные данные ведут к существенному удревнению как тех, так и других, демонстрируя их частичное сосуществование, что противоречит имеющемуся археологическому контексту (типологическим построениям и стратиграфическим наблюдениям). Данное обстоятельство необходимо учитывать при дальнейшей работе с кульгганскими памятниками.

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А., 2010. Раскопки поселения Барсова гора П/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск, Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. Вып.8. С.184–220.

Зыков А.П., 1987. Отчет об исследовании археологических памятников в урочище Барсова гора у пос. Барсово Сургутского района Тюменской области летом 1987 г. Т.1 // Архив КА УрГУ. Ф.П. Д.448.

Кокшаров С.Ф., 1991. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. Вып.20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С.92–101.

Кокшаров С.Ф., 2006. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. Екатеринбург. С.41–67.

Кокшаров С.Ф., 2011. Использование шаблона в керамическом производстве (по материалам бронзового века Урала и Севера Сибири) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т.10. Вып.5. С.175–182.

Кокшаров С.Ф., 2015. Культура населения севера Западной Сибири // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 47 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 2011. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург. С.60–85.

Косинская Л.Л., 1998. Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та. С.87–102.

Косинская Л.Л., 2000. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник. Археология и этнология. Материалы научно-исслед. конф. по итогам полевых иссл. Вып.3. 1999 г. Салехард. С.13–23.

Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И., 2012. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №3(18). С.60–72.

Сергеев А.С., Погодин А.А., 2008. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург, Сургут: Уральское изд-во. С.170–194.

Стефанов В.И., 2002. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова гора». С.97–112.

Стефанов В.И., Данилова Е.Н., 2013. Кульгганские древности Среднего Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск, Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. С.84–96.

Чемякин Ю.П., 1989. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хо-

зайтвенные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск. С.60-74.

Челякин Ю.П., 1994. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск: изд-во УдГУ. 21 с.

Челякин Ю.П., 2008. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут, Омск: «Омский дом печати». 224 с.

Челякин Ю.П., Карачаров К.Г., 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис. С.9–66.

Королев А.И., Шалапинин А.А. (Самара)

Группы энеолитической керамики поселения Лебяжинка VI в лесостепном Заволжье¹

Начавшиеся в 70–80-е гг. прошлого века раскопки памятников энеолита в лесостепном Поволжье дали основания для выделения археологических культур и типов, разработки региональной схемы периодизации и хронологии энеолита. Памятники энеолита в лесостепном Поволжье связаны преимущественно с бассейнами рек Сок и Самара. Исследования энеолита в бассейне р. Сок были начаты позднее и полученные здесь комплексы сравнивались с уже известными материалами поречья Самары. Это обстоятельство вызвало некоторые трудности соотнесения вновь полученных материалов с утвердившимися в археологической номенклатуре типами. Постепенно наметилась специфика энеолитических коллекций, выявленных на р. Сок. Большое значение в этой ситуации приобретает публикация новых материалов. Целью данной статьи является введение в научный оборот керамических материалов поселения Лебяжинка VI, раскопки которого проводятся с 2013 г.

Поселение расположено в Сергиевском районе Самарской области, занимает край останца первой надпойменной террасы на левом берегу р. Сок. Исследованная за три сезона площадь составила 160 кв.м. В пределах раскопа располагаются котлованы трех углубленных в материк жилищ, изучение которых продолжается. За исключением фрагментов сосуда срубной культуры, в культурном слое абсолютно преобладает керамика эпохи энеолита. Сохранность керамики, за редким исключением, хорошая, поверхность часто покрыта известковым налетом.

В первую группу включены отдельные фрагменты и развалы примерно от 35 сосудов с примесью раковины и птичьего пуха, который определяется визуально на расслоившихся фрагментах. Цвет, как правило, серый или темный коричневатый-серый, в изломе двухцветный: с внешней стороны коричневый, затем черный или темно-серый. Поверхности сосудов выравнивались узкозубыми штампами, от которых сохранились расчесы. Затем внешняя поверхность заглаживалась. Толщина стенок 0,7–1,6 см, преобладает – около 1 см. Сосуды имеют растробовидные или подцилиндрические шейки высотой 2–5 см, четко отделенные от округлого тулова резким перегибом – «внутренним» ребром. На венчиках встречаются плоские воротничковые утолщения. Срез венчиков за редким исключением плоский, днища округлые и уплощенные. Орнамент выполнен гребенчатым штампом с доминированием короткой мелкозубой гребенки и мелкими овальными вдавлениями. Наличие зубцов на некоторых вдавлениях подсказывает, что они наносились углом гребенчатого штампа. Оттиски гребенки неглубокие, зубцы мелкие. Более длинные оттиски среднезубой гребенки составляют вторую разновидность. Преобладают мотивы орнамента: горизонтальные полосы из оттисков гребенки, горизонтальные ряды вертикально нанесенных оттисков гребенки (рис.1-2). В качестве разделителей орнаментальных зон применялись горизонтальный зигзаг и пояски из горизонтально поставленных оттисков короткого гребенчатого штампа, ямок или зоны без орнамента. Есть неорнаментированные сосуды (рис.1-3). Они несколько отличаются толщиной стенок и профилировкой от орнаментированной посуды. По характерному признаку – наличию ребра на внутренней стороне сосуда в месте соединения венчика и тулова керамика этой группы получила временное наименование «керамика с внутренним ребром»

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (госзадание 33.1195.2014/к).